Каменев

Сталин

Ленин

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Л. Каменев и И. Сталин.

Н. ЛЕНИН.

К 50-летию.

23-го апреля 1920 года.

Подарок крестьянам от московских печатников.

Издание Московского Губернского Союза Рабочих Полиграфического Производства.

1920.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ЛЕНИНА

Н. Ленин.

С концом XIX. столетия кончается последний период «мирного», органического развития капиталистического общества, период, начавшийся в крови Седана и парижских коммунаров. Новый XX век открывает период политических и социальных катастроф войны, национальные революции (русская 1905 г., турецкая, китайская, персидская, португальская), колониальные восстания, национальные столкновения, перестройка государственных границ идут непрерывной чередой и во втором десятилетии сливаются в мировую войну и мировое возмущение пролетариата. Азия и Африка втягиваются в общее движение, и новые сотни миллионов людей в революционных формах выступают на историческую арену.

В этой обстановке происходит крушение величайшей европейско-азиатской монархии Романовых. Именно этой международной обстановкой, обстановкой приближающегося крушения всего капиталистического общества, об'ясняется важнейшая особенность русской революции: сближение, почти полное слияние краха полицейско-крепостнического государства и крушения господства капитала (1905 г.—февраль 1917 г.—октябрь 1917 г.) Эта особенность хода революционного движения в России не могла явиться результатом той или другой программы, той или иной политической партии. Она была результатом своеобразного сочетания национальных особенностей русской экономики (слабость национальной буржуазии, социальная мощь пролетариата крупных фабрично-заводских центров, револю-

ционное настроение крестьянства, убедившегося на деле, что оно может получить земли крепостников-помещиков только из рук пролетариата, захватившего власть) с обстановкой мирового состязания крупнейших империалистических держав и революционным пробуждением Востока.

Вот в этой то атмосфере подготовки и развития величайшего массового революционного под'ема, шедшего ко все более и более острым формам борьбы на переломе двух всемирно-исторических эпох в стране, соединяющей властвующую Европу империалистов с миром порабощенного Востока колониальных рабов, и мог только воспитаться и вырасти теоретический руководитель и практический вождь мирового пролетариата в его восстании против буржуазии.

После того как гений Маркса, опиравшийся на революционные традиции классических буржуазных революций и на революционный опыт 40—60-х годов, заложил основы программы и тактики мирового рабочего движения, Германия, Франция, Англия, отчасти и Россия дали рабочему движению первоклассных ученых, пропагандистов, популяризаторов, агитаторов и организаторов. Никто, однако, из этой великой плеяды работников рабочего дела (Бебель, Жорес, Гэд, Адлер, Плеханов) не перешел той грани, которая отделяет эпоху обучения просвещения и собирания сил рабочего класса от эпохи штурма буржуазных твердынь старого мира. Для новой эпохи они оказались мертвы,— и это стало ясно уже задолго до 14 августа 1914 года.

Ясная формулировка новых задач и тактики новой эпохи в мировом рабочем движении была выработана не на кафедре германского рейхстага, не на трибуне французских рабочих собраний, не в правлениях английских трэд-юнионов, не на страницах «Neue Zeit», а на подпольных собраниях русских пролетариев-революционеров, где Ленин обсуждал и взвешивал тактику борьбы против царизма, опиравшегося на все силы международного капитализма.

Тактика, здесь обсуждавшаяся, задачи здесь формулировавшиеся, не могли замкнуться в узко-национальные рамки, рамки всероссийского государства, уже потому, что враг, против которого велась борьба, черпал свои силы во всей мировой организации капитала: Французская биржа и английский империализм, связавшие прямым союзом свои судьбы с русским царизмом и властью русской буржуазии, сами толкали мысль передовых русских революционеров на международную арену, заставляли их ставить все вопросы своей борьбы в мировом масштабе. Милюков, Керенский и Церетелли, торжественно подтвердившие верность союзникам царизма, ничего не изменили в этом отношении: всемирный размах мысли, включение в сферу своих непосредственных интересов вопросов и проблем мирового пролетарского движения навязывалось руководителю русского пролетариата самым историческим положением России за последние 20 лет, больше чем представителю рабочего движения какой бы то ни было другой страны.

15 лет тому назад, в эпоху первой Думы, самый сильный, самый умный (и потому наиболее ценимый Лениным) идейный противник Ленина, Г. В. Плеханов спрашивал Ленина: где в его программе гарантии от реставрации?—Ленин отвечал: «Полной гарантией от реставрации в России (речь шла о гарантиях при победе демократической революции) может быть исключительно социалистический переворот на Западе. Другой гарантии нет и быть не может... Чтобы удержать за собой победу, чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен не-русский резерв... Есть ли такой резерв на свете? Есть социалистический пролетариат на Западе... Вопрос сводится к тому, как именно и чем именно может революция в России облегчить или ускорить социалистическую революцию на Западе».

Это сказано не в 1920, не в 1917, не в 1914, а в 1906 году! И как не случаен этот ответ, как не случайно то, что отсталая земледельческая Россия стала первой страной социалистической революции, так не

случайно, что революционное учение Маркса, извращенное и охолощенное оппортунизмом вождей на Западе, в руках Ленина вновь стало тем знаменем, под которым пролетарии „штурмуют небо", т. е. тем, чем его создал и что в нем видел сам Маркс.

Историческая обстановка в Европе 1870—1900 г. г. сложилась так, что учение Маркса в руках его учеников стало больше всего орудием об'яснения хода исторического развития и прогноза светлого будущего. Те элементы этого учения, которые звали к непосредственному революционному действию масс, которые заключали в себе не об'яснение истории, а руководство для восставшего против буржуазии пролетариата, забывались и выветривались. Для русского пролетариата дело обстояло не так: на очереди дня стояло именно восстание, и он воспринял учение Маркса целиком, принужденный отстаивать против укоренившегося оппортунизма в особенности те черты учения Маркса, которые под презрительной кличкой «бланкизма», «заговорщичества» «утопизма», отвергались западно европейскими мещанами от социализма, а вслед за ними и русскими оппортунистами—социал-демократами.

Для Ленина теория Маркса так же непреложна и целостна, является таким же ничем незаменимым орудием анализа, как основные алгебраические формулы для строителя инженера. Ее практические выводы (учение об обострении классовой борьбы, о диктатуре пролетариата, о государстве), которые делают его учением боевого, воинствующего класса, которые зовут к наступлению, именно в работах Ленина получили ту разработку, которой не могли, не хотели дать западноевропейские теоретики: для них в эпоху после 1870 г. это было просто неинтересно. А Ленин именно за эти части учения вел бесчисленное количество войн с оппортунистами всех стран и всех мастей. Когда в 1901 г. Ленин писал, что социалистическая организация должна быть готова к „подготовке, назначению и проведению всенародного вооруженного восстания", среднему руководителю, социал-демократу Европы, это не могло

не казаться порождением варварски-отсталых условий борьбы в России. Быть может так казалось и ближайшим сотрудникам Ленина. Но внимание к этим именно вопросам, сочетание марксизма с непосредственно-революционным движением широких масс сделало то, что когда вопрос о восстании пролетариата стал на очередь дня во всей Европе, массы европейских рабочих именно в статьях, работах и опыте Ленина должны искать ответов на насущные вопросы своего движения.

Страстное отстаивание боевых выводов учения о классовой борьбе, тех выводов, что вольно и невольно притуплялись в предшествующую эпоху, беспощадная борьба с малейшим отступлением от революционной теории во всех ее выводах, постоянная готовность остаться одному против всех — против всех на верхушках, за-то в теснейшем единении с подлинными рабочими массами — во имя «ортодоксального», т.-е. революционного марксизма, — вот та новая струя, которую в первую очередь внес Ленин в теорию и практику мирового социалистического движения. Сектантство и раскольничество — так пытались клеймить тактику Ленина мещане. Исторически же сектантство и „раскольничество" Ленина были только необходимым и неизбежным средством отстаивать и развивать те непосредственно-революционные стороны марксизма, для практики которых не находилось места в движении конца XIX и начала XX вв. и которые стали живой водой для мирового пролетариата к концу империалистической войны.

И Каутский, и Плеханов, и Гэд вели великолепную и плодотворную борьбу с оппортунизмом Бернштейнов и Мильеранов. Ясно, однако, что плоскость и захват борьбы были другие. Отстаивая в ряду с Каутским — (аграрный вопрос) и Плехановым — (философия марксизма) — основы Марксова учения, Ленин поставил на очередь сначала в русском, а затем и в международном движении те вопросы непосредственного массового движения, которых те сферы не затрогивали. Из сферы общих вопросов капиталистического развития и парламентской

тактики вопросы были перенесены в сферу непосредственной борьбы восставшего и восстающего против капиталистического общества пролетариата—и тут-то оказалось, что непроходимая пропасть лежит не между Плехановым, Каутским, Лениным—с одной стороны и Бернштейном—с другой, а между Лениным—с одной стороны и Плехановым, Каутским, Гедом и Бернштейном—с другой. В тяжелой, „сектантской", „раскольнической" пятнадцатилетней борьбе Ленина начала новой теории и новой тактики новой всемирно-исторической эпохи боролись и в борьбе росли против лучших (Плеханов, Каутский) представителей умирающего периода истории рабочего движения. Мертвое хотело заглушить живое, но живое выжило и победило и через головы левых оппортунистов протягивает руку вечно-живым коммунарам Парижа и заветам Маркса.

Как бы в предвидении этой борьбы Ленин писал еще в 1901 г.: „Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится идти под их огнем. Мы соединились по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не примирения".

Если новая постановка новых вопросов теории и практики рабочего движения есть одна сторона того, что внес Ленин в мировое пролетарское движение, то новое отношение к роли масс в историческом строительстве является другой стороной того же.

И к этому вопросу необходимо подойти исторически. С 1848 и по 1905 г.—за исключением краткого периода Парижской коммуны—массы трудящихся в Европе не появлялись на улицах [illegible] городов в качестве хозяев и строителей жизни. Парламентарии [illegible] партий, [illegible] — [illegible] борьбы. Вопрос о [illegible], о [illegible] переходе власти в руки рабочего класса [illegible]

бы снят с очереди. Социалисты опирались на пролетарскую массу, но в качестве парламентариев и членов правлений союзов предпочитали действовать за нее, больше всего избегая ее непосредственных активных действий. На этом пути официальная социал-демократия зашла в тупик. Только года за $1^1/_2$ до войны Р. Люксембург поставила в партийной прессе вопрос о „массовых действиях". Между тем русский пролетариат с начала века жил в атмосфере непосредственных массовых действий, прямых столкновений с охранителями государственного порядка, а в 1905—6—7 годах неоднократно оказывался победителем в этих столкновениях и хозяином улицы. Он знал, что именно его массовыми открытыми действиями решается вопрос о власти и что нет других способов решить этот вопрос. Вопросы о непосредственной активности масс, о их самочинной, свободно-складывающейся организации, о сочетании политической и экономической борьбы, о захватном осуществлении „свобод", о захвате власти в центре и в отдельных городах бастующими, демонстрирующими и вооруженными рабочими были [illegible] насущными, практическими вопросами движения. Практика этого самочинного, ломающего легальные рамки, идущего к захвату власти, массового активного движения пролетариата нашла в Ленине своего выразителя. Он предвидел его теоретически, вазвешивая в начале 900-х годов всевозможные формы борьбы пролетариата в полицейской России, он защищал его в 1905—6—7 гг., он отстаивал традиции именно этого движения в глухую пору реакции после революции 1905—7 гг.

Недоверие к кромсанию законопроектов парламентскими болтунами и абсолютная уверенность в том, что непосредственное участие в историческом строительстве самих порабощенных миллионов человеческих существ способно вывести человечество из тупика,—естественно укрепились в этой обстановке и стали исходным пунктом всей дальнейшей тактики Ленина. А только это и могло быть исходным пунктом всей успешной политики в тот момент, когда мировая война [illegible]

к исторической жизни миллионы наемных рабов капитала. Именно в подобной теории больше всего нуждался мировой пролетариат, оказавшийся перед разбитым корытом надежд „реформистов“ на смягчение противоречий и мирное перерождение капитализма в социализм.

„Наступает, —писал Ленин в 1906 году,—период непосредственной политической деятельности „простонародья“, которое по-просту, прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпаются мысль и разум миллионов забитых людей, просыпаются не для чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества“.

Написать эти слова в 1906 г. значило переместить весь центр тяжести внимания европейского социализма, значило открыть новый период пролетарской борьбы, значило указать основные руководящие принципы тактики пролетариата, переходящего от предварительного собирания сил к восстанию против капитала.

На почве этого абсолютного доверия к историческому творчеству трудящихся масс, творящих новый мир, —по слову Ленина „со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью“,—разрешена Лениным труднейшая для современного мирового движения пролетариата проблема — проблема власти, вековыми усилиями попов, юристов, государственных людей, профессоров и поэтов закутанная во все обманы мистики и метафизики.

„Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась *) исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти. Ничего скрытого, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты—рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от

*) В. И. [illegible] С. Р. Д. 1906 г.

горелки полицейских насильников? Ты—наш товарищ. Выбирай своего депутата, сейчас же, немедленно, выбирай, как считаешь удобным,—мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего совета рабочих депутатов, крестьянского комитета, совета солдатских депутатов. Это—власть открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли".

Пролетариат России, Финляндии, Венгрии, Германии в 1917—20 гг. на деле стал осуществлять эти слова 1906 г., казавшиеся тогда неслыханной ересью и бывшие на деле предвиденьем единственно возможных и неизбежных форм государственного строительства пролетариата, восстающего против старого мира.

Все государственное искусство Ленина в том, что он знает, что масса, миллионы трудящихся сделают то, что надо, что у пролетарского государства нет иных интересов, кроме интересов этих миллионов, что они сделают в сотни раз лучше, чем самая революционная канцелярия, и что основная и исчерпывающая задача заключается в том, чтобы втянуть эту массу всю, донизу, до дна в государственную работу.

И не то же ли абсолютное доверие к массе трудящихся сказалось в том, что в момент самый тяжкий, когда все стояло на волосок от гибели, после подписания Брестского мира, Ленин,—никогда не цитирующий стихов,—начал свою статью о „главной задаче наших дней" словами Некрасова:

«Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная—
Матушка Русь!»

Русь рабочих и крестьян, взрастившая в муках своего освобождения от всяческого рабства лучшего работника всемирного освобождения.

Л. Каменев.

Тов. Ленин, как организатор и вождь Росс. Комм. Партии.

Существуют две группы марксистов. Обе они работают под флагом марксизма, считают себя „подлинно" марксистскими. И все-таки они далеко не тождественны. Более того: между ними целая пропасть, ибо методы их работы диаметрально противоположны.

Первая группа обычно ограничивается внешним признанием марксизма, его торжественным провозглашением. Не умея или не желая вникнуть в существо марксизма, не умея или не желая претворить его в жизнь, она живые и революционные положения марксизма превращает в мертвые, ничего не говорящие формулы.

Свою деятельность она основывает не на опыте, не на учете практической работы, а на цитатах из Маркса. Указания и директивы черпает она не из анализа живой действительности, а из аналогий и исторических параллелей. Расхождение слова с делом — такова основная болезнь этой группы. Отсюда разочарования и вечное недовольство судьбой, которая сплошь и рядом подводит ее, оставляет с „носом". Имя этой группы меньшевизм (в России), оппортунизм (в Европе). Тов. Тышко (Иогихес) на Лондонском съезде довольно метко охарактеризовал эту группу, сказав, что она не стоит, а лежит на точке зрения марксизма.

Вторая группа, наоборот, переносит центр тяжести вопроса от внешнего признания марксизма на его проведение, на его претворение в жизнь. Намечение путей и средств осуществления марксизма, соответствующих обстановке, изменение этих путей и средств, когда обстановка меняется — вот на что, главным образом, обращает свое внимание эта группа. Директивы и указания черпает эта группа не из исторических аналогий и параллелей, а из изучения окружающих условий. В своей деятельности опирается она не на цитаты и изречения, а на практический опыт, проверяя каждый свой шаг на опыте, учась на своих ошибках и уча других строительству новой жизни. Этим собственно и объясняется, что в деятельности этой группы слово не расходится с делом и учение Маркса сохраняет полностью свою живую революционную силу. К этой группе вполне подходят слова Маркса, в силу которых марксисты не могут останавливаться на том, чтобы объяснить мир, а должны идти дальше с тем, чтобы изменить его. Имя этой группы большевизм, коммунизм.

Организатором и вождем этой группы является тов. Ленин.

1. Тов. Ленин, как организатор Российск. Ком. Партии.

Образование пролетарской партии в России протекало при особых условиях, отличных от условий на Западе в момент организации там рабочей партии. В то время, как на Западе, во Франции, в Германии рабочая партия вышла из профессиональных союзов в условиях легального существования союзов и партий, в обстановке после буржуазной революции, при наличии буржуазного парламента, когда пробравшаяся к власти буржуазия стояла лицом к лицу против пролетариата, — в России, наоборот, образование пролетарской партии происходило при жесточайшем абсолютизме, в ожидании буржуазно-демократической ре-

люции, когда, с одной стороны, партийные организации переполнялись буржуазными „легально-марксистскими" элементами, жаждущими использования рабочего класса для буржуазной революции, с другой стороны, лучшие партийные работники вырывались царской жандармерией из рядов партии, между тем как нарастание стихийного революционного движения требовало наличия стойкого, сплоченного и достаточно конспиративного боевого ядра революционеров, могущего направить движение на свержение абсолютизма.

Задача состояла в том, чтобы отделить овец от козлищ, отмежеваться от чужаков, организовать кадры опытных революционеров из местных, дать им ясную программу и твердую тактику, наконец, собрать эти кадры в единую боевую организацию профессиональных революционеров, достаточно конспиративную для того, чтобы устоять против жандармских набегов, но вместе с тем достаточно связанную с массами для того, чтобы повести их в нужную минуту на борьбу.

Меньшевики, те самые, что „лежат" на точке зрения марксизма, решали вопрос просто: так как на Западе рабочая партия вышла из беспартийных профессиональных союзов, борющихся за улучшение экономического положения рабочего класса, то в России следует проделать по возможности то же самое, т. е. пока ограничиться „экономической борьбой рабочих с хозяевами и правительством" на местах, не создавая обще-русской боевой организации, а потом... потом, если не появятся к тому времени профессиональные союзы, созвать беспартийный „рабочий с'езд" и об'явить его партией.

О том, что этот „марксистский" „план" меньшевиков, утопический для русских условий, предполагает тем не менее широкую агитационную работу, направленную на принижение идеи партийности, уничтожение партийных кадров, оставление пролетариата без своей партии и отдачу рабочего класса на с'едение либералам,—об этом едва ли догадывались тогда меньшевики, но пожалуй и многие из большевиков.

Величайшая заслуга тов. Ленина перед русским пролетариатом и его партией состоит в том, что он раскрыл всю опасность меньшевистского организационного „плана“ еще в тот момент, когда „план“ был едва зачат, когда сами авторы „плана“ с трудом представляли ясно его очертания и, раскрыв его, открыл бешеную атаку против организационной распущенности меньшевиков, сосредоточив все внимание практиков на этом вопросе. Ибо речь шла о существовании партии, о жизни и смерти партии.

Поставить обще-русскую политическую газету, как центр стягивания партийных сил, организовать стойкие партийные кадры на местах, как „регулярные части“ партии, собрать эти кадры воедино через газету и сплотить их в обще-русскую боевую партию с резко обозначенными границами, с ясною програмою, твердой тактикой, единой волей — вот какой план развил тов. Ленин в своих знаменитых книжках: „Что делать“ и „Шаг вперед, два назад“. Достоинство этого плана состояло в том, что он вполне отвечал русской действительности и мастерски обобщал организационный опыт лучших практиков. В борьбе за этот план большинство русских практиков решительно пошло за тов. Лениным, не останавливаясь перед расколом. Победа этого плана заложила фундамент той сплоченной и закаленной коммунистической партии, равной которой не знает мир.

Нередко наши товарищи (ни только меньшевики!) обвиняли тов. Ленина в чрезмерной склонности к положению и к расколу, в непримиримой борьбе с примиренцами и пр. Несомненно, и то и другое имело место в свое время. Но не трудно понять, что наша партия не могла бы избавиться от внутренней слабости и расплывчатости, она не могла бы достичь присущей ей силы и крепости, если бы она не изгнала из своей среды непролетарские, оппортунистические элементы. В эпоху буржуазного господства пролетарская партия может расти и крепнуть лишь в той мере, в какой она ведет борьбу с оппортунистическими,

анти-революционными и анти-партийными элементами в своей среде и в рабочем классе. Лассаль был прав, говоря: „партия укрепляется тем, что очищает себя". Обвинители обычно ссылались на германскую партию где процветало тогда „единство". Но во-первых, не всякое единство является признаком силы, во-вторых, достаточно взглянуть теперь на бывшую германскую партию, разодранную на три партии, чтобы понять всю фальшь и мнимость „единства" Шейдемана и Носке с Либкнехтом и Люксембург. И как знать, не лучше ли было бы для германского пролетариата, если бы революционные элементы германской партии самостоятельно раскололись с анти-революционными ее элементами... Не правда ли,—тов. Ленин был тысячу раз прав, ведя партию по пути непримиримой борьбы с анти-партийными и анти-революционными элементами: только в результате такой организационной политики могла создать в себе партия то внутреннее единство и поразительную сплоченность, обладая которыми она безболезненно вышла из июльского кризиса при Керенском, вынесла на своих плечах октябрьское восстание, без потрясений пережила кризис Брестского периода, организовала победу над Антантой и, наконец, достигла той невиданной гибкости, благодаря которой она в состоянии в любой момент перестроить свои ряды и сосредоточить сотни тысяч своих членов на любой большой работе, не внося замешательства в свою среду.

2. Тов. Ленин, как вождь Рос. Ком. Партии.

Но организационные достоинства Р. К. Партии представляют лишь одну сторону дела. Партия не могла бы вырасти и окрепнуть так быстро, если бы политическое содержание ее работы, ее программа и тактика не отвечали русской действительности, если бы ее лозунги не зажигали рабочие массы и не толкали вперед революционное движение. К этой стороне дела перейдем сейчас.

Русская буржуазно-демократическая революция (1905 г.) протекала при условиях, отличных от условий на Западе во время революционных переворотов, например, во Франции и в Германии. В то время, как революции на Западе развертывались в условиях мануфактурного периода и неразвитой классовой борьбы, когда пролетариат был слаб и малочислен, не имел своей собственной партии, могущей формулировать его требования, а буржуазия была достаточно революционна для того, чтобы внушить рабочим и крестьянам доверие к себе и повести их на борьбу с аристократией,— в России, наоборот, революция началась (1905 г.) в условиях машинного периода и развитой классовой борьбы, когда сравнительно многочисленный и сплоченный капитализмом русский пролетариат имел уже ряд боев с буржуазией, имел свою партию, более сплоченную, чем буржуазная, и свои классовые требования, а русская буржуазия, жившая к тому же заказами от правительства, была достаточно напугана революционностью пролетариата для того, чтобы искать союза с правительством и помещиками против рабочих и крестьян. Тот факт, что русская революция вспыхнула в результате военных неудач на полях Манчжурии,— этот факт лишь форсировал события, ничего, однако, не меняя в существе дела.

Обстановка требовала, чтобы пролетариат стал во главе революции, сплотил вокруг себя революционное крестьянство и повел решительную борьбу против царизма и против буржуазии одновременно, во имя полной демократизации страны и обеспечения своих классовых интересов.

Но меньшевики, те самые, что „лежат" на точке зрения марксизма, решали вопрос по-своему: так как русская революция буржуазная, а в буржуазных революциях руководят представители буржуазии (см. Историю французской и германской революции), то пролетариат не может быть гегемоном русской революции; руководство должно быть предоставлено русской буржуазии [illegible], которая против революции; крестьян-

ство также должно быть предоставлено попечению буржуазии, а пролетариату следует оставаться в положении крайней левой оппозиции. И эти пошлые перепевы плохеньких либералов выставлялись меньшевиками как последнее слово «подлинного» марксизма!..

Величайшая заслуга тов. Ленина перед русской революцией состоит в том, что он вскрыл до корней пустоту исторических параллелей меньшевиков и всю опасность меньшевистской «схемы революции», отдающей рабочее дело на с'едение буржуазии. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, вместо диктатуры буржуазии, бойкот булыгинской думы и вооруженное восстание вместо участия в думе и органической работы в ней, идея «левого блока», после того как дума все же состоялась, и использование думской трибуны для внедумской борьбы вместо кадетского министерства и реакционного «бережения» думы, борьба с кадетской партией, как контр-революционной силой, вместо блока с ней,—вот какой тактический план развил тов. Ленин в своих знаменитых брошюрах: «Две тактики», «Победа кадетов». Достоинство этого плана состояло в том, что он, прямо и решительно формулируя классовые требования пролетариата в эпоху буржуазно-демократической революции в России, облегчал переход к революции социалистической, носил в себе в зародыше идею диктатуры пролетариата. В борьбе за этот тактический план большинство русских практиков пошло за товарищем Лениным решительно и бесповоротно. Победа этого плана положила фундамент той революционной тактике, благодаря которой потрясает ныне [redacted] основы мирового империализма.

Дальнейшее развитие событий, четырехлетняя империалистическая война и потрясение всего народного хозяйства, февральская революция и знаменитое двоевластие, временное правительство, как очаг буржуазной контр-революции, и Петроградский Совет, как форма зарождавшейся пролетарской диктатуры, октябрьский

переворот и разгон учредилки, упразднение буржуазного парламентаризма и провозглашение Республики Советов, превращение войны империалистской в войну гражданскую и выступление мирового империализма вкупе с «марксистами» на словах, против пролетарской революции, наконец, жалкое положение меньшевиков, уцепившихся за учредилку, выброшенных пролетариатом за борт и прибитых волной революции к берегам капитализма, все это лишь подтверждало правильность основ революционной тактики, формулированной тов. Лениным в «Двух тактиках». Партия, имеющая в руках такое наследство, могла бы плыть вперед смело, не боясь подводных камней.

В наше время пролетарской революции, когда каждый лозунг партии и каждая фраза вождя проверяется на деле, пролетариат пред'являет своим вождям особые требования. История знает пролетарских вождей, вождей бурного времени, вождей практиков, самоотверженных и смелых, но слабых в теории. Массы не скоро забывают имена таких вождей, но движение в целом не может жить одними лишь воспоминаниями; ему нужны ясная цель (программа), твердая линия (тактика). Таковы, наприм., Лассаль в Германии, Бланки во Франции. Есть и другого рода вожди, вожди мирного времени, сильные в теории, но слабые в делах организации и практической работы. Такие вожди популярны лишь в верхнем слое пролетариата, и то лишь до известного времени: с наступлением революционной эпохи, когда от вождей требуются революционно-практические лозунги, теоретики сходят со сцены, уступая место новым людям. Таковы, например, Плеханов в России, Каутский в Германии. Чтобы удержаться на посту вождя пролетарской революции и пролетарской партии, необходимо сочетать в себе теоретическую мощь с практически-организационным опытом пролетарского движения. П. Аксельрод, когда он был марксистом, писал о тов. Ленине, что он «счастливо соеди-

няет в себе опыт хорошего практика с теоретическим образованием и широким политическим «кругозором» (см. предисловие П. Аксельрода в брошюре т. Ленина: «Задачи русских соц.-дем.»). Что сказал бы теперь о тов. Ленине идеолог капитализма г. Аксельрод, не трудно догадаться. Но для нас, знающих тов. Ленина близко и могущих смотреть на дело об'ективно, несомненно, что это старое качество вполне сохранилось в тов. Ленине. В этом нужно искать психологическое об'яснение того факта, что тов. Ленин, и именно он, является ныне вождем самой сильной и самой закаленной в мире пролетарской партии.

И. Сталин.

60к.

